

Смирнова Евгения Николаевна

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ "СВОЙ" И "ЧУЖОЙ" В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ
ТВЕРСКОГО КУПЦА МИХАИЛА ТЮЛЬПИНА (НА МАТЕРИАЛЕ "ЛЕТОПИСИ О СОБЫТИЯХ В
ТВЕРИ 1762-1823 ГГ.")**

В статье выявляется содержательная структура концептуальных полей "Свой" и "Чужой", исходя из анализа средств языковой репрезентации концептов "Свой – Чужой" в рукописном документе "Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг." тверского купца Михаила Тюльпина. Определение содержания и объема концептуальных полей "Свой" и "Чужой" в сознании купца Михаила Тюльпина помогает выделить особенности индивидуально-авторского осмысления ключевых понятий русской языковой и культурной картины мира рубежа XVIII-XIX веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 174-176. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

что подтверждает их забавный тон и озорной стиль. Тем не менее, даже самое веселое повествование заставляет нас задуматься. Не говоря уже о рассказах с грустной концовкой, которые предполагают поиск определенной истины, поиск ответа на вопрос, можно ли было избежать несчастья или нет. Бальзак в рассказе «Жена коннетабля» отмечает, что «в книге сей мы должны, следуя правилам великих писателей древности, не только позабавить людей, но и дать им нечто полезное, преподать поучение тонкого вкуса» [1, с. 92]. Но он не отрицает развлекательного характера своего произведения и в «Тулузской девственнице» добавляет: «“Озорные рассказы” написаны скорее для того, чтобы искать мораль в удовольствии, чем получать удовольствие из выражения морали» [5, р. 262]. Бальзак приходит на помощь читателям в поисках «мозговой субстанции» своего труда, направляет их, прибегая к многочисленным моральным сентенциям.

При создании «Озорных рассказов» Бальзак активно использует наследие своих великих предшественников, в частности, следует традиции Рабле, постоянно вспоминая о своем земляке, наполняя свое произведение идеями, равно как и средствами, характерными писательской манере Мэтра Франсуа. Таким образом, выявление раблезианской традиции позволило исследовать с этой стороны «Озорные рассказы», не входящие в «Человеческую комедию», тем не менее, представляющие определенный этап бальзаковского творчества.

Список литературы

1. Бальзак О. де. Собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1955. Т. 14.
2. Луков В. А. История литературы: зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 512 с.
3. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1991. 766 с.
4. Сиприо П. Бальзак без маски. М.: Молодая гвардия, 2003. 503 с.
5. Balzac H. Oeuvres complètes de Honoré de Balzac. P.: Conard, 1930. V. 36. 472 p.

RABELAISIAN TRADITION IN “DROLL STORIES” BY H. DE BALZAC

Elena Valer'evna Smirnova

Department of Romance Philology and Translation
Magnitogorsk State University
helenmagnit@mail.ru

The author reveals the Rabelaisian tradition in “Droll Stories” by H. de Balzac, asserts that the work under consideration is the top of the predecessor worship of the writer of the XIXth century demonstrating the examples of words borrowings, expressions and images, stylistic imitation, the specific mention of Master Francois, and pays special attention to the reflection of the Rabelaisian tradition in the ideological component of the work.

Key words and phrases: Rabelaisian tradition; Pantagruelism; idea; laughter; folk tradition; word creation; enumeration; direct imitation.

УДК 81

Филологические науки

В статье выявляется содержательная структура концептуальных полей «Свой» и «Чужой», исходя из анализа средств языковой репрезентации концептов «Свой – Чужой» в рукописном документе «Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг.» тверского купца Михаила Тюльпина. Определение содержания и объема концептуальных полей «Свой» и «Чужой» в сознании купца Михаила Тюльпина помогает выделить особенности индивидуально-авторского осмысления ключевых понятий русской языковой и культурной картины мира рубежа XVIII-XIX веков.

Ключевые слова и фразы: концептосфера; концептуальное поле; концепт; «свой»; «чужой»; языковая личность; картина мира.

Евгения Николаевна Смирнова

Кафедра русского языка
Тверской государственной университет
16fevral@list.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ ТВЕРСКОГО КУПЦА МИХАИЛА ТЮЛЬПИНА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЛЕТОПИСИ О СОБЫТИЯХ В ТВЕРИ 1762-1823 ГГ.»)[©]

Концептосфера рукописного документа «Летопись о событиях в Твери 1762-1823 гг.» купца Михаила Тюльпина [1, д. 1135] состоит из ряда взаимообусловленных концептов. Определение содержания концептов

«Летописи...» поможет приблизиться к индивидуально-авторскому осмыслению сущности предметов и явлений. Концепты данной рукописи являются формой фиксации индивидуальных авторских знаний о мире, однако их следует рассматривать не только как компоненты индивидуальной концептосферы М. Тюльпина, но и как составляющие картины мира определенного лингвокультурного сообщества конца XVIII – начала XIX века.

Противопоставление «Свой – Чужой» пронизывает всю культуру и, по убеждению Ю. С. Степанова, «является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [4, с. 472]. В данной статье осуществляется попытка определить объем и структуру концептуальных полей «Свой» и «Чужой», входящих в концептосферу «Летописи о событиях в Твери...».

На наш взгляд, при описании концептуальной сферы «Летописи...» правомерно говорить о концептуальных полях «Свой» и «Чужой». Бинарная оппозиция концептов «Свой – Чужой», являющаяся ядром соответствующих концептуальных полей, служит универсальной категорией в построении языковой картины мира, представленной в «Летописи...».

Концепты «Свой – Чужой» неразрывно связаны с самосознанием народа и с самим понятием «народ». Данные лексемы категоризируют мир, выделяя «своих», свой народ, и «чужих», иных, чуждых, и организуют пространство этноса, давая некую оценку и помогая ориентироваться, вычленять релевантные признаки. По мысли Ю. С. Степанова, определяющим для этноса является «самосознание, осознание некоторой группой людей самой себя как “своих” в отличие от “чужих”» [Там же, с. 474-475]. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [2] можно обнаружить цепочку связей, организующих пространство «своего» и «чужого». К ним относятся: кровно-родственные, семейные (род, семья), этнические (народ, нация), языковые (язык, диалект), конфессиональные (вера), социальные (сообщество, сословие) [Там же, с. 581-582].

Для анализа языковых репрезентаций концептов, входящих в концептуальные поля «Свой» и «Чужой», необходимо выявить этимологию лексем, выражающих концепты в наиболее полном объеме и общей форме.

В исследовании «Константы: словарь русской культуры» Ю. С. Степанов, ссылаясь на труды французского лингвиста Э. Бенвениста, отмечает, что «понятие “свой” первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя “свободным от рождения, свободным по рождению” и противопоставляет себя другим – “чужим”» [4, с. 480]. Концепт «Чужой» и соответствующая лексема в русском языке «относятся к “не своему”, “постороннему” и “далекому” в сфере народа, обычая или нрава» [Там же, с. 483]. В этом плане противопоставление «свои – чужие» оформляет концепт «свой народ» и «народ» вообще [Там же, с. 487]. Помимо этого, одно из значений слова «чужой» указывает на его древнейший концептуальный состав – «не имеющий, не знающий своего рода» [Там же, с. 483-484].

Концепты «Свой» и «Чужой», являясь составляющими концептосферы «Летописи о событиях в Твери...», предстают единицами сознания купца М. Тюльпина, которые отражают индивидуально-авторское осмысление сущности предметов. Оппозиция «свой – чужой» лежит в основе аксиологической шкалы автора «Летописи...», по которой оцениваются явления и события объективной реальности.

В исследуемом тексте на лексическом уровне концептуальное поле «Свой» репрезентировано местоимением «свой», а также местоимениями «наш», «мы». Концепты «Летописи...», входящие в концептуальное поле «Свой», обнаруживают связь с концептами «Дом», «Мир» и «Семья» («наш дом», «наше семейство», «наше место»), «Купечество» («наша лавка», «наш товар»). Концептуальное поле «Чужой» лексически выражено прилагательным «чужой» и также имеет точки соприкосновения с концептом «Дом» («чужие дома»).

Рассмотрим подробнее составляющие концептуальных полей «Свой» и «Чужой» в их связи с концептом «Дом». Ранее [3] нами был сделан вывод о том, что сознание М. Тюльпина концептуализирует дом как семейный очаг. Авторская интерпретация концепта «Дом» соответствует традиционному в русском языковом сознании представлению о доме как месте телесного и духовного обитания человека. Учитывая связь концептов «Дом» и «Семья» в представлении автора «Летописи...», можно выделить концепт «Свой дом» как одну из центральных составляющих картины мира купца М. Тюльпина.

В этом плане оппозиция «свой – чужой» определяет особенности организации пространства в сознании М. Тюльпина. В представлении купца пространство структурируется согласно архаической модели мира, которая в «горизонтальном срезе» предполагает членение универсума на «свое» и «чужое» (свое – огороженное пространство, гармония, уют; чужое – пространство вне ограды, хаос). «Свой дом» является неотъемлемым элементом жизни М. Тюльпина, что отражает приоритеты картины мира купца. Дом – это центр «своего» мира М. Тюльпина: «Домъ *нашъ* былъ деревянной высокой» [1, д. 1135, л. 3 об.], «Въ началѣ весны отъ вели *нашъ* мѣста для построения домовъ» [Там же, л. 7], «въ томъ числе и *наши* дома съ горели» [Там же, л. 12], «Августа 9 дня начали строить заводъ камнемъ и кирпичемъ въ лицо на улицу противу бывшего *нашего* жилого дому» [Там же]. «Свой дом» связан в представлении купца с уютом, теплом, домашним очагом. Рассматриваемый концепт содержит значения «укрытие», «огороженное пространство», однако семья Тюльпиных не противопоставляет себя окружающему миру, а живет с ним в гармонии: «Съ начала мая начали строить каменной домъ на томже преждѣ бывшемъ мѣсте, и дворъ *не очень огородили*» [Там же, л. 12 об.], «По необходимости нашей инуждѣ начали строится, и по строили деревянной домъ обыкновенного тогда расположения, и солодовню деревянную же на дворовомъ мѣсте, аовинъ поставили на супротивъ спередовиньемъ безовсякихъ заборовъ, однако богъ хранилъ, идомъ *не очень огородили* по нуждѣ» [Там же, л. 7].

Очевидно, что Михаил Тюльпин и члены его семьи дорожат местом, в котором живут. И когда купцу с женой и детьми пришлось покинуть жилище из-за пожара, а потом и из-за войны, они лишились на это

время «своего», отгороженного от внешнего мира, только им принадлежащего пространства. Вследствие этого в мироощущении М. Тюльпина возникает оппозиция «свой – чужой». Потеряв после пожара дом, семья Тюльпиных вынуждена была жить за пределами «своего», уютного пространства: «и такъ жили мы по чужимъ домамъ отъ 1763 года майя 13 числа, того 2 года и 5 мѣсцевъ и 14 дней» [Там же], «итакъ мы послѣ случившагося пожара жили утестя съ 1782 год июня съ 5 дня, по 1783 готъ сентября 26 дня готъ три мѣсца и 20 дней» [Там же, л. 12 об.]. Купец указывает продолжительность периода проживания за пределами собственного дома с точностью до дня, поскольку для него очень важно иметь свой дом, место, где он ощущает себя комфортно, «у себя». Война 1812 года также стала причиной, по которой купеческая семья лишилась своего дома. Описывая события тех дней, М. Тюльпин не избегает проявления глубоко личностных чувств: «б числа сполдень часу въ 4, съ немалымъ прискорбиемъ и жалостию, забравъ свое семейство, ичто получше, выехали изъ твери начетырехъ лошадахъ, двѣ своихъ да двѣ наемныхъ, а придомѣ остался одинъ никифоръ съ работницею» [Там же, л. 30]. Домом для семьи Тюльпиных на время вторжения неприятеля стала «голыхинская мельница», где вместе с другими семьями обитатели жили как «общѣ семейство» [Там же]. И только когда стало известно «одѣйствіяхъ неприятеля, и оставленіи москвы», купец поехал «в дом» и привез «свою хозяйку»: «итакъ все наше семейство собралось, аимущество наше большею частию оставалось при мельницѣ» [Там же, л. 30 об. - 31].

Анализируя репрезентации концептов «Свой» и «Чужой», можно заметить, что эти понятия определяют мироощущение автора «Летописи...». В сознании М. Тюльпина «свое», замкнутое пространство, ограниченное от внешнего мира и контролируемое человеком, противопоставлено открытости, неограниченности, неопределенности и хаосу чуждого пространства и является своеобразным средством защиты человека. В этом плане концепт «Свой» обнаруживает связь с концептом «Мир» в значении «место на земле, вокруг нас» и «обитатели своей земли», т.е. «люди, связанные родственными, договорными или дружескими отношениями» [4, с. 97-98].

Таким образом, дихотомия «свой – чужой» оказывается весьма важной в индивидуальной картине мира Михаила Тюльпина. Концептуальные поля «Свой» и «Чужой» структурируют концептосферу «Летописи...», выявляя приоритеты индивидуально-авторского мироощущения М. Тюльпина. Окружающая действительность оценивается автором «Летописи...» по аксиологической шкале архаического мировоззрения, в основе которой лежит оппозиция «свой – чужой». М. Тюльпин идентифицирует себя и свое семейство как людей, принадлежащих концептуальному полю «Свой». Центральным понятием для купца является «свой дом» как место, где живут близкие и родные люди. Пространство родного дома осознается купцом как «свое» пространство, противопоставленное «чужому» окружающему миру. Анализ структуры концептуальных полей «Свой» и «Чужой» в индивидуальном сознании купца Михаила Тюльпина позволил выявить особенности индивидуально-авторского осмысления ключевых понятий русской языковой и культурной картины мира рубежа XVIII-XIX веков.

Список литературы

1. **Летопись о событиях в Твери 1762-1782 гг. тверского купца Михаила Тюльпина** // Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1409. Оп. 1.
2. **Славянские древности: этнолингвистический словарь**: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2008. Т. 4. 656 с.
3. **Смирнова Е. Н.** Репрезентация концепта «дом» в «Летописи о событиях в Твери 1762-1823 гг.» тверского купца Михаила Тюльпина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2012. № 4. Вып. 1. С. 287-292.
4. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

CONCEPTUAL FIELDS “ONE’S OWN” AND “ANOTHER’S” IN INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS OF TVER’ MERCHANT MIKHAIL TYUL’PIN (BY MATERIAL OF “CHRONICLE OF EVENTS IN TVER’ OF 1762-1823”)

Evgeniya Nikolaevna Smirnova
Department of Russian Language
Tver’ State University
16fevral@list.ru

The author reveals the content structure of the conceptual fields “One’s Own” and “Another’s” basing on the analysis of the language representation means of the concepts “One’s Own - Another’s” in the manuscript “Chronicle of Events in Tver’ of 1762-1823” by Tver’ merchant Mikhail Tyul’pin, and tells that the determination of the content and volume of the conceptual fields “One’s Own” and “Another’s” in the merchant Mikhail Tyul’pin’s consciousness helps emphasizing the features of the individual-authorial understanding of the key notions of the Russian language and cultural picture of the world at the turn of the XVIIIth-XIXth centuries.

Key words and phrases: conceptual sphere; conceptual field; concept; “One’s Own”; “Another’s”; linguistic personality; picture of the world.